

Федорцев Василий Александрович, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела евроатлантических исследований РИСИ.

Германское видение европейской "восточной политики" и роль ФРГ в "Восточном партнёрстве"

Развитие процесса европейской интеграции не позволяет сегодня говорить о германской "восточной политике" в чистом виде как о самостоятельном явлении. Это уже часть общей европейской внешней политики, где переплетаются интересы различных стран – членов Евросоюза. При этом Берлин остаётся ведущим игроком на данном поле и сохраняет преэминентность своей позиции, продолжая отстаивать собственное видение "восточной политики", цели которой для Германии и сегодня звучат практически так же, как они были сформулированы в 1994 г. К. Кинкелем, министром иностранных дел в правительстве Г. Коля, в отношении стран СНГ:

- последовательно поддерживать политические и экономические реформы в этих странах;
- содействовать интеграции стран СНГ в международные институты;
- выстраивать широкое партнёрство с Россией;
- стабилизировать Украину;
- принимать участие в разрешении региональных и национальных конфликтов на территории бывшего СССР;
- утвердиться на многообещающих рынках региона¹.

В последние годы к этому списку добавилась ещё одна цель – обеспечение собственной энергетической безопасности, что подразумевает в первую очередь максимально стабильные и диверсифицированные поставки энергоресурсов из республик бывшего Советского Союза, в том числе и в обход России. Особую актуальность эта цель приобрела с возникновением проблемы так называемых "газовых войн".

Собственно, инициатива форсированного встраивания германских внешнеполитических интересов на восточном направлении в общеевропейскую внешнюю политику и, в частности, в Европейскую политику соседства (ЕПС) принадлежала самой ФРГ.

Приостановка процесса расширения ЕС и необходимость его внутреннего укрепления, направленная в том числе и на оформление Евросоюза как единого субъекта международной политики, требовали пересмотра внешнеполитической линии в отношении восточных соседей. Перед Германией стояла задача, с одной стороны, изменив формат отношений с этими странами, оставить для них открытой европейскую перспективу

¹ Schmidt S., Hellman C., Reinhard W. Handbuch zu deutschen Außenpolitik // VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2007. S. 456.

и стимулировать их развитие в соответствии с европейской моделью модернизации, а с другой – сформулировать инициативу новой европейской "восточной политики", которая могла бы быть принята другими членами ЕС.

В 2006 г. Берлин поставил в качестве приоритетной задачи на период своего председательства в Европейском совете реализацию европейской "новой восточной политики" в отношении стран Восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии и России. Проект не был в полной мере принят в период немецкого председательства, тем не менее он не потерял актуальности в качестве концептуальной основы для германского подхода к "восточной политике" ЕС. При этом сформулированный в 2006 г. и развитый в последующие годы германский подход не всегда совпадает с позицией Еврокомиссии или других активных игроков на поле европейской "восточной политики", в частности Польши, что позволяет говорить о продолжающемся процессе формирования внутриевропейского консенсуса по данному вопросу. Это подтверждают слова бывшего еврокомиссара по вопросам внешних связей и европейской политики соседства Б. Ферреро-Вальднер о том, что стратегическое значение "Восточного партнёрства" – одной из основных европейских инициатив в рамках ЕПС на восточном направлении, остаётся до сих пор неопределённым, поскольку так и не решён вопрос, является ли проект инструментом подготовки к полноценному вступлению в ЕС или же это вариант "привилегированного партнёрства"². Такая неопределённость совершенно явно отражает две различные позиции в подходе к целям ЕПС в отношении восточноевропейских стран, первая из которых характерна для Польши, а вторая – для ФРГ.

Накануне председательства ФРГ в Европейском совете германский МИД, который на тот момент возглавлял социал-демократ Ф.-В. Штайнмайер, сформулировал концепцию европейской "новой восточной политики" под лозунгом "Сближение через переплетение" ("Annäherung durch Verflechtung"), прямо отсылающим к "восточной политике" канцлера В. Брандта.

В июле 2006 г. немецкая пресса опубликовала подробный материал о разработке в штабе планирования МИД Германии документа, содержащего предложения по реформированию Европейской политики соседства в направлении её активизации и углубления на восточном направлении – так называемые "Шесть тезисов по вопросу Европейской политики соседства плюс"³. Фактически эта публикация стала точкой отсчёта для германской концепции "новой восточной политики" ЕС, а инициатива реформирования ЕПС, получившая название "Европейская политика соседства плюс" ("ЕПС плюс"), должна была стать её составной частью.

² Ukraine drängt derzeit vergebens in die EU / EurActiv. 2009. 29. Oktober. URL: <http://www.euractiv.de/erweiterung-und-partnerschaft/artikel/ukraine-drangt-derzeit-vergebens-in-die-eu-002309>.

³ Berlin entwickelt neue Nachbarschaftspolitik für die EU // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2006. № 151. 3. Juli. S. 1. См. также: Duleba A. The EU's Eastern Policy: Central European Contribution. 2007. January. URL: <http://www.sfpa.sk/dokumenty/projekty/32/?onRelease=%5Btype+Function%5D>.

Основная цель данного проекта была сформулирована как проведение политики, которая препятствовала бы возникновению на пространстве между ЕС и Россией вакуума в сфере интеграции и политики безопасности и одновременно заявляла об интересе ЕС к региону, в котором он раньше был не активным игроком, а скорее пассивным наблюдателем геополитического соперничества США и России.

То, что предлагал в рамках своей концепции "ЕПС плюс" германский МИД восточным странам-соседям – Украине, Молдавии, Азербайджану, Армении, Грузии и Белоруссии (при условии, если в её внутренней политике произойдут позитивные изменения) – фактически представляло собой замену полноценному членству в ЕС. В принципе это и не скрывалось: проект ставил своей целью, с одной стороны, повысить в рамках ЕПС статус "европейских" соседей, разделяющих европейские ценности и европейскую стратегию модернизации, а с другой – снять дилемму "вступления/невступления" в Евросоюз, переведя вопрос в иную плоскость. В дополнение к стандартным целям ЕПС концепция предполагала:

- во-первых, частичное перенесение на эти страны европейских правовых норм, что расширило бы правовое пространство ЕС;
- во-вторых, расширение институционального сотрудничества, включая предоставление этим странам статуса наблюдателей в определённых областях европейской политики;
- в-третьих, предполагалось, что на смену двусторонним отношениям с восточными странами-соседями должен прийти региональный подход по образцу "Барселонского процесса"⁴.

В целом же германская инициатива предполагала перенести центр тяжести ЕПС с Юга на Восток, что подразумевало также и перераспределение финансовых средств. При этом одним из основных аргументов в пользу Востока (и в первую очередь стран Восточной Европы – Украины, Белоруссии и Молдавии) было то, что они все являются европейскими странами, хотя и не членами ЕС. То есть было предложено разделить участников ЕПС на "европейских соседей" и "соседей Европы".

Помимо новых принципов сотрудничества ЕС со странами Восточной Европы и Закавказья в рамках ЕПС немецкая концепция "новой восточной политики" содержала несколько других принципиально важных особенностей. Прежде всего – это расширенное понимание европейской политики на восточном направлении, которое помимо указанных шести стран – участников ЕПС охватывало страны Центральной Азии, Турцию и Россию, которая должна была стать основным партнёром ЕС в реализации "ЕПС плюс", исходя из того, что без российского участия любая политика на востоке обречена на провал. Фактически это означало бы реализацию трёхстороннего сотрудничества на евразийском пространстве, в котором Россия по отношению к странам-соседям выступала бы практически "на равных" с ЕС. Концепция "новой восточной политики" предполагала заключение нового соглашения с Россией в период германского председательства в ЕС. В отношении же Центральной Азии

⁴ Инициированный в 1995 г. на конференции в Барселоне процесс сотрудничества ЕС со своими южными соседями, в результате развития которого был создан Средиземноморский союз.

планировалось инициировать программу сотрудничества, предполагающую как двусторонний, так и региональный подходы. Готовя почву для такой программы, Ф.-В. Штайнмайер в ноябре 2006 г. посетил все пять центральноазиатских республик. Таким образом, с помощью предложенной германским МИД "новой восточной политики" предполагалось увязать политику в отношении восточноевропейских стран – участниц ЕПС, Центральной Азии и России в рамках единой концепции, одной из центральных проблем которой должна была стать энергетическая безопасность.

Однако эта концепция не была в полной мере реализована, поскольку встретила сопротивление в ЕС, и не в последнюю очередь со стороны Польши, для которой неприемлемо само понятие *Ostpolitik*, ассоциирующееся у неё с "восточной политикой" В. Брандта и доминированием "русского вектора"⁵. Неприятие в ЕС вызвала и попытка повысить статус восточных соседей за счёт южных.

До начала председательства ФРГ в ЕС, в декабре 2006 г., Еврокомиссия представила свою программу реформирования ЕПС, которая во многом совпадала с предложениями Германии и принимала предложенный региональный подход, однако расходилась с немецкой концепцией в главном – в ней не признавался особый статус восточных соседей, и развивать сотрудничество с Востоком предлагалось не в ущерб политике на южном направлении⁶. В итоге во время немецкого председательства в ЕС были приняты лишь две части общего проекта – программы "Черноморская синергия"⁷ и "Стратегия в отношении Центральной Азии"⁸, которые стали первыми примерами реализации предложенного Берлином регионального подхода в отношениях с восточными соседями ЕС.

Тем не менее Германия не отказалась от своего видения "новой восточной политики", эта тема продолжала оставаться на повестке дня, достаточно широко обсуждалась и озвучивалась представителями германского МИД. Одно из заметных заявлений по данному вопросу сделал министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер в марте 2008 г. в ответ на инициативу "Средиземноморского союза", которое также акцентировало внимание на значении России для "восточной политики"⁹.

⁵ *Ochmann C.* Ostliche Partnerschaft contra EU-Partnerschaftsabkommen mit Russland? // Polen Analysen. 2009. № 46. 17. Februar. URL: <http://www.laender-analysen.de/polen>.

⁶ On Strengthening the European Neighborhood Policy / Commission of the European Communities. COM (2006) 726 final. Brussels, 2006. December 4. URL: http://www.ec.europa.eu/world/enp/pdf/com06_726_en.pdf.

⁷ Black Sea Synergy – A New Regional cooperation Initiative / Commission of the European Communities. COM(2007) 160 final. Brussels, 2007. April 11. URL: http://www.ec.europa.eu/world/enp/pdf/com07_160_en.pdf.

⁸ Euäus Relations with Central Asia. URL: http://www.ec.europa.eu/external_relations/central_asia.

⁹ Auf dem Weg zu einer europäischen Ostpolitik. Die Beziehungen Deutschlands und der EU zu Russland und den östlichen Nachbarn. Rede von Bundesaußenminister Frank-Walter Steinmeier anlässlich der Podiumsdiskussion bei der Willy-Brandt-Stiftung. 4. März. URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2008/080304-BM-Ostpolitik.html>.

С большой долей уверенности можно предполагать, что в целом сформулированный в 2006–2007 гг. подход к европейской "восточной политике" по-прежнему будет актуален, а основные перечисленные ниже цели германской внешней политики, во многом обусловленные экономическими соображениями, сохранят своё значение по меньшей мере в обозримом будущем.

Во-первых, это обеспечение энергетической безопасности Германии и Евросоюза в целом. Именно этим обусловлен "расширенный" состав участников "ЕПС плюс", включающий как главных (настоящих и перспективных) поставщиков энергоносителей – Россию, Азербайджан, страны Центральной Азии, так и основные страны-транзитёры – Украину, Белоруссию, Турцию. Главной задачей здесь является обеспечение стабильности поставок и транзита энергоносителей, в том числе диверсификация источников и путей транспортировки. "Газовые" конфликты последних лет значительно повысили актуальность данного вопроса, а также стали дополнительным аргументом в пользу создания новых путей транспортировки. Однако на данном этапе, по крайней мере до тех пор, пока не реализован проект "Северный поток" и планы создания южного транспортного коридора, Украина и Белоруссия остаются ключевыми странами в контексте обеспечения энергетической безопасности Германии, поскольку через них проходят основные пути транспортировки российских энергоносителей в Европу.

Во-вторых, активность внешней политики Германии на восточном направлении во многом обусловлена стремлением к внешнеэкономической экспансии. ФРГ является экспортно ориентированной страной, а экономики восточных соседей ЕС – это перспективные рынки сбыта для немецкой промышленной продукции и технологических разработок, привлекательные объекты для инвестирования капитала. На сегодня их доля в немецком экспорте невелика, но она имеет устойчивую тенденцию к росту, и для Германии важно занять здесь ключевые позиции. Необходимо отметить, что в рамках данного направления реализуется и вторая составляющая немецкой энергетической политики, связанная с развитием технологий регенеративной энергетики и энергосбережения. Занимая одну из лидирующих позиций в данной области, Германия заинтересована не только в использовании этих технологий внутри страны, но и в расширении их экспорта, что предполагает среди прочего и первоначальное закрепление на перспективных зарубежных рынках.

Эти две цели напрямую связаны с приоритетной ролью, отводимой России в немецком проекте "восточной политики". Она является не только основным поставщиком энергоносителей, но ещё и наиболее перспективным объектом для германской внешнеэкономической экспансии (особенно в том, что касается топливно-энергетического комплекса). Тесные германо-российские экономические связи, а также перспективы их развития, служат залогом того, что Россия в обозримом будущем сохранит статус стратегического партнёра Германии независимо от текущей внутривнутриполитической ситуации в обеих странах.

С другой стороны, Россия, и это с самого начала признавалось в концепции "ЕПС плюс", является основным геополитическим игроком

на пространстве бывшего СССР и обладает здесь серьёзным экономическим и политическим влиянием, не говоря уже о прямом военном присутствии в отдельных республиках. Это делает её важнейшей стабилизирующей силой в регионе, что может быть использовано в рамках "восточной политики" в позитивном для ФРГ и ЕС ключе. Применительно к Восточной Европе речь идёт не только о стабилизации внутривнутриполитической обстановки на Украине, но и о разрешении "замороженного" конфликта в Приднестровье. В то же время в случае проведения независимой от мнения России политики в отношении стран Восточной Европы отношения с ней могут обостриться, что не выгодно ни для Европы в целом, ни для Германии в особенности.

Тем не менее в средне- и долгосрочной перспективе Брюссель не отказывался от вовлечения Украины, Белоруссии, Молдавии и республик Закавказья в сферу влияния Евросоюза. При этом точка зрения Берлина на сотрудничество с этими странами не предполагала (по крайней мере, в обозримом будущем) их вступления в ЕС. Германский проект фактически предлагал подменить полноценное членство расширенным сотрудничеством, что позволило бы не только решить проблему "усталости" ЕС от предыдущих этапов расширения, но и частично удовлетворить европейские устремления тех же Украины и Молдавии – с одной стороны, и избежать прямого конфликта с Россией – с другой. При этом распространение на эти страны европейской нормативной системы, а также экономическая модернизация и либерализация, включая вступление в ВТО, являются основными условиями создания благоприятного климата для расширения здесь западного экономического присутствия, в чём также в первую очередь заинтересованы представители немецкой экономики.

Помимо долгосрочных стратегических целей, лежащих в основе концепции "восточной политики", в отношениях с отдельными странами Восточной Европы на нынешнем этапе перед Берлином стоит ряд конкретных задач, требующих решения в ближайшей перспективе: внутривнутриполитическая стабилизация на Украине и нормализация отношений с ней в контексте отдаления на неопределённый срок перспектив её вступления в НАТО и ЕС; развитие процесса "открытия" Белоруссии для Европы; урегулирование конфликта в Приднестровье. В 2007–2009 гг. политика Германии в отношении этих стран продолжала носить во многом двусторонний характер, но с началом реализации предложенного Швецией и Польшей проекта "Восточное партнёрство" она всё больше смещается в сферу общеевропейской внешней политики с ощутимым акцентом на польско-германское сотрудничество.

Берлин поначалу критически относился к польско-шведскому проекту, который уже на этапе подготовки предполагал фактическое исключение России из числа его участников, хотя в целом Германия одобряла инициативу активизации ЕПС на восточном направлении. Своё несогласие с выдвинутой инициативой Ф.-В. Штайнмайер высказывал министру иностранных дел Польши Р. Сикорскому ещё в апреле 2008 г.¹⁰

Тем не менее Берлин поддержал "Восточное партнёрство" и выразил надежду на углубление польско-германского сотрудничества в рамках

¹⁰ *Ochmann C.* Im Osten was Neues. "EU Eastern Partnership: Fine, but What about Russia?" // *Spotlight Europe*. 2009. Iss. 6. URL: <http://www.ceeol.com>.

реализации европейской "восточной политики". Данная инициатива была воспринята в ФРГ как продолжение и развитие концепции "ЕПС плюс", и Германия активно включилась в реализацию проекта. В частности, на встрече министров иностранных дел ЕС в феврале 2009 г. Берлин поддержал предложение Еврокомиссии об увеличении средств, выделяемых в рамках "Восточного партнёрства", а также активно лоббировал включение в эту программу Белоруссии. Но, поддерживая проект и стремясь углубить сотрудничество с Польшей, Германия не отказывалась от собственной точки зрения, считая необходимым привлечь к сотрудничеству в рамках европейской "восточной политики" Россию и Турцию.

Уже в декабре 2008 г., практически сразу после представления Еврокомиссией проекта "Восточное партнёрство", Польша и Германия в ходе правительственных консультаций согласовали совместные действия в сфере ЕПС и обозначили развитие отношений с восточными соседями ЕС как приоритетное направление польско-германского сотрудничества. На прошедшем накануне этих консультаций XIII Польско-германском форуме в Берлине состоялся обмен мнениями между Ф.-В. Штайнмайером и Р. Сикорским по вопросу о перспективах европейской "восточной политики". Оба министра в своих выступлениях подтвердили важность польско-германского сотрудничества на данном направлении и свою готовность к совместным действиям, однако акценты при этом расставили по-разному – в традиционном для каждой стороны ключе. Сикорский в своей речи только один раз упомянул о России, причём в контексте немецко-польского сотрудничества "не только на европейском континенте". Центральное же место в выступлении польского министра занимала Украина, которой он призвал уделить особое внимание в рамках совместной "восточной политики", причём вне контекста её европейских перспектив. Сикорский также высказался за то, чтобы привнести трансатлантический элемент в польско-германское сотрудничество и активизировать диалог о будущей евроатлантической стратегии в отношении России и республик бывшего СССР¹¹. Штайнмайер, напротив, говоря о "восточной политике", акцентировал внимание на важной роли России и необходимости развивать сотрудничество с ней, несмотря на последствия российско-грузинского конфликта¹². Выступая 10 декабря 2008 г. в Фонде Шварцкопфа, Штайнмайер предостерег от излишнего сужения рамок "Восточного партнёрства" и ещё раз указал на то, что программа эта должна быть открыта для участия России и Турции¹³.

¹¹ Rede des polnischen Außenministers Radosław Sikorski anlässlich des XIII / Polnisch-Deutschen Forums. Berlin, 2008. 5. Dezember. URL: <http://www.deutsches-polen-institut.de/Projekte/DPForum/RedeSikorski.php>.

¹² Rede des Außenministers Frank-Walter Steinmeier zu den Teilnehmern des XIII / Deutsch-Polnischen Forums. Berlin, 2008. 5. Dezember. URL: <http://www.deutsches-polen-institut.de/Projekte/DPForum/RedeSikorski.php>.

¹³ Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Dr. Frank-Walter Steinmeier, vor der Heinz-Schwarzkopf-Stiftung zur gesamteuropäischen Sicherheitspartnerschaft in der Reihe "Historische Reden an Europa". Berlin, 2008. 10. Dezember. URL: http://www.bundesregierung.de/nn_916176/Content/DE/Bulletin/2008/12/138-3-bmaa-sicherheitspolitik.html.

Тем не менее, несмотря на расхождения во взглядах на цели "Восточного партнёрства", Германия и Польша всё-таки начали сотрудничать на данном направлении. В этом смысле как знаковый можно расценивать совместный визит Ф.-В. Штайнмайера и Р. Сикорского летом 2009 г. на Украину, подтвердивший совместную польско-германскую поддержку выделению кредитов МВФ для украинской экономики в условиях кризиса.

Очевидно, что общая "восточная политика" ЕС может быть успешной только в том случае, если будут преодолены разногласия между основными её проводниками – Германией и Польшей. Это понимают и в Берлине, и в Варшаве. Но при этом обе стороны не оставляют попыток утвердить собственную концепцию в качестве основы европейской "восточной политики". При этом различия германского и польского подходов к проблеме носят принципиальный характер.

Как уже говорилось, внешняя политика ФРГ (и это касается не только восточных соседей ЕС и России) традиционно служит проводником немецких экономических интересов, что и определяет её характер. На восточном направлении помимо экономических интересов решающим фактором является обеспечение энергетической безопасности. Вследствие этого Германия включает Россию – крупнейшего поставщика энергоносителей и самый крупный и перспективный рынок в Восточной Европе, а также гаранта безопасности на постсоветском пространстве – в свою концепцию европейской "восточной политики".

Польская внешняя политика на восточном направлении имеет в большей степени геополитическое основание и строится, исходя из представлений об имперском характере российской внешней политики и её угрозе для Польши. Поэтому распространение западного влияния на восточноевропейские республики в Варшаве рассматривают как элемент сдерживания Москвы. При этом Польша, не доверяя Германии, которая имеет тесные отношения с Россией, заинтересована в том, чтобы дополнить европейскую внешнюю политику на восточном направлении "американским компонентом", т.е. сформировать "трансатлантическую восточную политику", объективно становится, таким образом, проводником интересов США в Восточной Европе.

Соответственно, различаются и немецкий, и польский подходы к окончательным целям "восточной политики". Польша, которая ощущает нестабильность на своих восточных рубежах, рассматривает "Восточное партнёрство" как подготовительный этап для полноценного вступления стран-участниц в ЕС, что в конечном итоге укрепит её безопасность на востоке. Германия же, осознавая необходимость консолидации Евросоюза после завершения последних этапов расширения, не заинтересована в приёме новых членов и видит в "восточной политике" вариант "квази-членства".

Кроме того, в сфере обеспечения энергетической безопасности ЕС Польша выступает за солидарную европейскую, или даже трансатлантическую, позицию, которая заключается в сокращении энергозависимости от России, что наиболее отчётливо проявилось в польской инициативе

создания "энергетической НАТО"¹⁴. Германия же, напротив, исходя из выдвинутой концепции "сближения через переплетение", выступает за более тесную кооперацию с Россией, что в конечном итоге отвечает и немецким экономическим интересам по внедрению в российский ТЭК.

Но, несмотря на принципиальные разногласия, у Германии и Польши существует и почва для сближения. Основанием для него служит, в первую очередь, осознание общей необходимости в успешной реализации европейской "восточной политики", которое для Германии усиливается её стремлением конституировать ЕС как единый субъект международной политики. Другим объединяющим моментом является признание того факта, что при различном понимании целей и смысла "восточной политики" Польша и Германия ставят перед собой на данном направлении следующие общие задачи:

- повысить статус "восточного направления" единой внешней политики ЕС;

- вовлечь страны Восточной Европы в сферу влияния ЕС и направить их развитие в соответствии с европейскими нормами и принципами, что предполагает в том числе и "открытие" Белоруссии для Европы, и стабилизацию внутривосточной и внутриэкономической ситуации на Украине;

- обеспечить стабильность поставок энергоносителей и использование экономического потенциала региона, в том числе и России.

Хотя указанные противоречия сохраняются, немецко-польское сотрудничество на восточном направлении продолжает развиваться, и в настоящее время выстраивание отношений по линии ЕС – Белоруссия в рамках "Восточного партнёрства" может создать основу для поиска компромисса между Варшавой и Берлином. Уже на начальном этапе подготовки проекта и Польша, и Германия прилагали усилия, чтобы развернуть Белоруссию в сторону Европы, и продолжают активно в этом сотрудничать. При этом в Варшаве, похоже, понимают, что стратегия "цветной революции" в Белоруссии потерпела неудачу, на что указывает собственно активность Польши в рамках "Восточного партнёрства". Сам факт включения Белоруссии в эту программу и начало процесса "открытия" страны Евросоюзу говорят о переходе от концепции революционной смены режима к стратегии постепенных изменений. В перспективе в отношениях ЕС и Белоруссии вполне может возобладать более прагматичный германский подход, ориентированный на конструктивное сотрудничество с правительством в сочетании с оказанием поддержки оппозиционным силам.

Дополнительный импульс германо-польскому сотрудничеству на восточном направлении европейской политики может придать внешняя политика новой правящей коалиции ФРГ. По крайней мере первые шаги нового министра иностранных дел Германии Г. Вестервелле дают достаточно оснований для таких предположений. Вряд ли стоит ожидать от

¹⁴ В 2006 г. на саммите ЕС Польша выступила с концепцией энергетической безопасности ЕС, предусматривающей помимо диверсификации источников поставки энергоносителей создание "энергетического оборонного союза", призванного обеспечить коллективную энергетическую безопасность участников.

Берлина кардинального изменения внешнеполитического курса, но некоторые акценты в сфере "восточной политики" и отношений с Польшей могут быть расставлены по-иному. Тот факт, что первый свой самостоятельный визит Г. Вестервелле совершил именно в Варшаву, его инициатива возобновить работу "Веймарского треугольника"¹⁵, а также позиция по вопросу о выдвижении в состав совета фонда "Бегство. Изгнание. Примирение" кандидатуры Э. Штайнбах¹⁶ говорят о приоритетном отношении нового министра иностранных дел к германо-польскому сотрудничеству, в котором совместная политика на восточном направлении занимает центральное место.

Кроме того, необходимо отметить, что существующий подход к европейской "восточной политике" был сформулирован германским МИД под руководством Ф.-В. Штайнмайера, который, будучи близким соратником канцлера Г. Шрёдера, продолжал его внешнеполитическую линию, для которой Россия имела, безусловно, приоритетное значение. При новом правительстве можно ожидать определённых корректировок внешнеполитического курса в направлении большей концентрации внимания на регионах Восточной и Юго-Восточной Европы и повышения значимости германо-польского сотрудничества.

Однако, несмотря на изменения акцентов, общий характер германского подхода к "восточной политике", в том числе и в отношении России, будет оставаться неизменным. Хотя в коалиционный договор нового правительства ФРГ по настоянию Свободно-демократической партии не вошла формулировка "стратегическое партнёрство с Россией", Г. Вестервелле, тем не менее, озвучил её уже во время первого своего визита в Москву в ноябре 2009 г., чем подтвердил объективный характер приоритетного значения германо-российских отношений¹⁷.

* *
*

Проявляя крайнюю заинтересованность в развитии отношений с восточными соседями Евросоюза, в первую очередь в плане использования их экономического потенциала и обеспечения собственной и общеевропейской энергетической безопасности, Берлин делает акцент на том, как важно подключить Россию к участию в европейской "восточной политике". Данный подход обусловлен, с одной стороны, экономическими интересами

¹⁵ "Веймарский треугольник" (официальное название: "Комитет развития германо-франко-польского сотрудничества") – консультативный форум представителей правительств Германии, Польши и Франции. Основан в 1991 г. Главная задача – координация внешней политики стран-участниц и стимулирование общеевропейской интеграции (*Прим. ред.*).

¹⁶ Польша выступала резко против выдвижения на данный пост Э. Штайнбах, председателя немецкого "Союза изгнанных", обвиняя её в ревизионизме и антипольских взглядах.

¹⁷ Вестервелле: стратегическое партнёрство с Россией безо всяких "но" // Немецкая волна. 2009. 20 ноября. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4911249,00.html>.

и нежеланием создавать почву для конфликта, а с другой – признанием особой роли и влияния России на постсоветском пространстве.

При этом многосторонний характер "Восточного партнёрства", в отличие от двусторонних отношений, характерных для ЕПС, предоставляет России больше шансов на участие в региональных проектах. Однако целесообразность и характер такого участия с точки зрения российских интересов требуют отдельного анализа, учитывая, что проект направлен на увеличение влияния Евросоюза в странах-партнёрах и, что очевидно, будет реализовываться и за счёт сокращения российского присутствия в том числе.

В течение 2009 г. Берлин и Варшава демонстрировали готовность к совместным действиям в рамках "Восточного партнёрства". Различия в их подходах к сути европейской "восточной политики" является источником противоречий, но одновременно служит и побудительным мотивом для корректировки характера и окончательных целей проекта. Интеграция германской и общеевропейской внешней политики, а также начавшееся германо-польское сотрудничество на восточном направлении дают основания для выработки более прагматичного общего подхода. Таким образом, Германия продолжает сохранять за собой ведущую роль в "восточной политике" ЕС, оказывая влияние и на характер "Восточного партнёрства".

Тем не менее этот проект всё ещё находится на этапе окончательного оформления и отработки механизмов. Его перспективность определяется тем, что в нём серьёзно заинтересованы отдельные страны ЕС и в первую очередь Германия и Польша. Однако это ставит перспективу его успешной реализации в зависимость от прогресса в германо-польском сотрудничестве на восточном направлении европейской внешней политики. В то же время стремление Евросоюза закрепить своё влияние на постсоветском пространстве, обусловленное экономическими интересами и необходимостью обеспечить собственную энергетическую безопасность, будет сохраняться вне зависимости от успеха данного конкретного проекта.

Ключевые слова: *Германия – политика – Европейский союз – Россия – СНГ – "Восточное партнёрство"*.

Key words: *Germany – politics – European Union – Russia – CIS – Eastern Partnership*.